УДК 281.93-3+81'37(571.61)
doi: 10.18101/978-5-9793-0771-8-158-166

© *Н. Г. Архипова*

Динамические процессы в лексике говоров старообрядцев Амурской области

В статье рассматриваются некоторые процессы, происходящие в словарном составе говоров старообрядцев (семейских) Амурской области, обусловленные рядом факторов как собственно лингвистического, так и экстралингвистического характера. Внимание уделяется степени сохранности лексической системы и выделяются три группы семейских говоров: сохранившие свои архаичные диалектные особенности; претерпевшие некоторые изменения; значительно изменившие систему своих первичных признаков. Анализируется несколько пластов лексики, различной по происхождению: общеславянская, общесибирская, заимствованная и локальная, характерная преимущественно говорам семейских. Основное внимание акцентируется на диалектных различиях в области лексики в старообрядческих говорах разных территорий Амурской области.

Ключевые слова: старообрядцы; семейские; переселенческие говоры; лексика; синонимы; расширение лексического значения; сужение лексического значения; архаичные черты; локальная лексика; гетерогенность лексического состава.

N. G. Arkhipova

Dynamic processes in parlance lexis of Amur region Old Believers

The article considers some features of the vocabulary structure of Old Believers dialects in Amur region, conditioned by a number of factors of both linguistic and extralinguistic nature. The emphasis is made on the criterion of relictness of lexical system. There groups of Semeiskiy parlance are identified: the ones that preserved archaic dialect features; the ones that underwent slight changes; the ones that has significantly changed their primary characteristics. Several layers of lexicon different by its origin are being analyzed: common Slavic, common Siberian, borrowed and local. The article concentrates on dialect differences in lexicon of Old Believers parlance at different territories of Amur region.

Keywords: Old Believers, Semeyskie, migrant's parlance, lexicon, synonym, extension of lexical meaning, archaic features, local lexicon, vocabulary heterogeneity.

Дальний Восток России – территория позднего славянского освоения с активным притоком русского, украинского и белорусского населения начиная со второй половины XIX в. Национальный, сословный, этнический и религиозный состав переселенцев на Дальний Восток чрезвычайно разнообразен, да и сами этнотерриториальные процессы неодинаковы на разных этапах освоения Приамурья. «Казачество сформировалось в 60-гг. XIX в. – начале XX в. в приграничных районах Дальнего Востока из забайкальских, оренбургских, кубанских и донских казаков. Разные региональные и конфессиональные группы представляли русские, украинские и белорусские крестьяне, среди которых выделялись старообрядцы и молокане. Все эти восточнославянские переселенцы составили конгломерат разных этнокультурных образований на Дальнем Востоке» [2, с. 16].

Формирование старообрядческих поселений в Амурской области естественным образом связано с крестьянской колонизацией Дальнего Востока. История, этнография, культура и язык старообрядцев-амурцев представляют собой сложнейшее явление, возникшее под влиянием восточнославянской (русской, украинской, белорусской), западнославянской (главным образом, польской), бурятской, «сибирской» составляющих. При этом старообрядцев объединяет «общая генетическая основа происхождения, история социально-экономических, соседских, брачных, культурных контактов на материнской территории и в районах нового расселения» [2, с. 15].

Переселение старообрядцев в Амурскую область началось в 60-е гг. XIX в. при поддержке царского правительства с целью быстрого освоения восточных территорий Российской империи. В 70-е гг. XIX в. по приглашению губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского старообрядцы переселялись в Приамурье и Приморье из Забайкалья, главным образом, для обслуживания почтовых трактов между Сибирью и Камчаткой. После установления морского сообщения с Камчаткой торговые сообщения были закрыты. Часть крестьян вернулась в Забайкалье, другая осталась на Дальнем Востоке [6]. Большинство современных старообрядцев Амурской области являются потомками забайкальских семейских.

Во время диалектологических экспедиций 2001–2014 гг. было обследовано восемнадцать амурских сел, основанных старообрядцами: Грибовка, Заган, Желтоярово, Новоандреевка, Ключи, Никольское и др. Анализ лексического материала выявил значительное единство словарного состава изучаемых говоров с некоторыми различиями между говорами сел Свободненского, Архаринского и Белогорского районов. Различия объясняются тем, что семейские села в Свободненском и Архаринском районах не были однородны в диалектном отношении. С одной стороны, в одном селе Свободненского района (например, в Бирме или Загане) изначально проживали представители разных старообрядческих толков и согласий (поморцы, нырки, самокрестцы, австрийцы, семейские и др.), уже к 20-м гг. XX в. осознавшие себя единой старообрядческой (семейской) общностью. В первые годы переселения жители старообрядческих сел Свободненского района вступали в браки с белорусами, но не с украинцами или выходцами из других территорий. Говоры таких сел отличались более сильным диалектным варьированием от говоров, сформировавшихся на относительно единой диалектной основе. С другой стороны, село Грибовка Архаринского района одновременно заселялось представителями разных восточнославянских этносов: белорусами, украинцами и русскими из разных территорий, среди последних были и старообрядцы из Забайкалья. Нередки были смешанные браки. В говорах семейских, проживающих в этих селах, отмечены многочисленные заимствования из белорусского и украинского языков и фольклора, не зафиксированные в говорах других старообрядческих сел.

Жители сел Белогорского района помимо как «семейскими» именуют себя «кержаками», по словам информантов, «выходцами с реки Кержа» (река Керженец – Н.А.). Часть бежавших оттуда старообрядцев оказалась в Сибири, где проживала на территориях Тюменской, Омской, Томской областей. В литерату-

ре указывается, что кержаки – носители культуры северорусского типа (См. работы В. Богданова, Ф. Болонева, Т. Юмсуновой). По рассказам старожилов сел Белогорского района, старообрядцы насильственно были переселены в Забайкалье (в с. Десятниково) из Нижегородской губернии, а затем в 90-е гг. XIX в. они прибыли в Приамурье и основали села Ключи, Никольское, Новоандреевку. Говоры этих территорий до сих пор отличаются относительной однородностью и практически не имеют заимствований из других славянских языков, несмотря на то, что в 60-е гг. XX в. в эти села по переселению прибыло шесть украинских семей. В говорах сел Белогорского района отмечен большой пласт общесибирской лексики, усвоенной семейскими в Забайкалье от старожилого русского населения, а также заимствований из бурятского языка.

Говоря о старообрядцах Забайкалья, П.Ф. Калашников отмечает, что «современные семейские говоры неоднородны. <…> можно разделить семейские говоры на три группы. Первая характеризуется наличием многих архаичных диалектных черт (говоры сел Большой Куналей, Бичура, Никольское, Хонхолой, Новый Заган). Вторая – по основе южнорусская со значительным среднерусским наслоением (говоры сел Десятниково, Тарбагатай, Мухоршибирь, Ключи). Третья – южнорусская с архаичными диалектными чертами, не свойственными первым двум» [3, с. 85].

Наши полевые исследования позволяют говорить о том, что и в Амурской области можно выделить несколько зон распространения говоров семейских, представляющих собой относительно локальные группы, отличающиеся рядом признаков. Это говоры семейских Свободненского района (Например, сел Заган и Желтоярово), в большей степени, чем другие семейские говоры, сохранившие черты южнорусских материнских говоров на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях и в меньшей степени испытавшие сибирское влияние.

Вторая группа – говоры старообрядцев Белогорского района, сохранившие особенности южнорусских говоров, но в большей степени тяготеющие к среднерусскому наречию (Например, говоры сел Новоандреевка и Ключи). В них отмечается большое количество северорусской лексики.

Последнюю группу составляют говоры старообрядцев Архаринского района, испытавшие сильное влияние белорусского и украинского языков, а позднее претерпевшие изменения под воздействием говоров старообрядцев-переселенцев, прибывших из Кемеровской области и Красноярского края в первой половине и середине XX в.. (Например, говоры с. Грибовка).

Говоры семейских Свободненского являются говорами относительно изолированного типа по причине их обособленного развития в связи с особым этноконфессиональным положением на территориях неоднородного диалектного окружения говорами вторичного образования. Эти говоры в ходе своего развития претерпели минимальные изменения.

Старообрядческие говоры Белогорского района существуют в окружении говоров переселенцев из Украины. Однако семейские сел Новоандреевка и Ключи Белогорского района не контактировали и до сих пор не контактируют с украинцами и их потомками, проживающими в соседних селах. Следовательно, их говор также развивался в условиях относительной изоляции.

На говоры семейских Архаринского района большое влияние оказывали как говоры других диалектных систем, так и литературный язык. Эти говоры претерпели максимальное изменение по сравнению с другими старообрядческими говорами.

В связи с этим по степени сохранности на диалектной карте Приамурья можно выделить три группы семейских говоров: сохранившие свои архаичные диалектные особенности; претерпевшие некоторые изменения; значительно изменившие систему своих первичных признаков.

В статье анализируются общие закономерности развития лексической системы семейских говоров Амурской области под влиянием различных факторов как экстралингвистического, так и собственно лингвистического характера.

В структуре анализируемых диалектных систем условно можно выделить несколько пластов лексики, различной по происхождению: общеславянскую, общесибирскую (усвоенную семейскими в Забайкалье от старожилого русского населения), заимствованную и локальную, характерную преимущественно говорам семейских.

Повсеместное распространение в говорах семейских получили слова *уса́дьба* ‘участок земли, на котором находятся дом с хозяйственными постройками’; *молоти́ло* ‘орудие для ручной молотьбы’; *жни́во* ‘сжатое поле’; *пого́да* ‘плохая ветреная погода, ненастье’; *вёдро* ‘солнечная ясная погода’; *голоси́ть* ‘причитать над покойником, плакать’; *голбе́ц* ‘полочка за печкой для сушки лука, хранения кухонной утвари’; *за́падня* ‘крышка, закрывающая ход в подполье’; *амба́р* ‘постройка для зерна’; *косовьё* ‘деревянная часть косы’; *мураши́* ‘муравьи’; *поро́з* ‘нехолощеный кабан, бык’ и др.

В исследуемых группах говоров северорусская лексика особенно ярко проявляется в двучленной оппозиции «севернорусское» – «южнорусское»: *изба́ – ха́та* ‘жилой дом из одной комнаты (с русской печью)’; *квашня́ – дежа́* ‘деревянная посуда, в которой замешивают тесто’; *кри́нка – маки́тра* ‘узкий глиняный сосуд с широким горлом’; *сковоро́дник – чапела́* ‘приспособление, которым держат сковороду’*; ухва́т – рога́ч* ‘приспособление, которым вынимают чугуны из печи’и др. [4; 9]. В говорах семейских Архаринского района функционируют оба члена таких оппозиций, в селах Белогорского района зафиксированы слова, распространенные в севернорусских говорах; в Свободнеском районе – в южнорусских. В последних двух группах говоров фиксируется только оппозиция «диалектное – литературное»: *изба – дом, кринка – горшок, дежа – корыто, чапела – сковородник* и др.

Лексическая система говоров свободненских и архаринских старообрядческих сел включает многие слова, распространенные преимущественно на территории южнорусских материнских говоров: *поместье* ‘место, на котором находится дом с хозяйственными постройками’; *баз* ‘скотный двор’; *корец* ‘ковш’; *чапля* ‘сковородник’; *коваль* ‘кузнец’; *махотка* ‘глиняный горшок’; *виски* ‘волосы’; *щерба* ‘уха’; *гуторить* ‘говорить’; *квёлый* ‘слабый, хилый’; *обрыднуть* ‘надоесть’; *летось* ‘в прошлом году’ и др. [4].

Диалектные различия между говорами Свободненского и Белогорского районов носят как собственно лексический, так и семантический характер. Напри-

мер, в с. Заган название колыбели, которая подвешивалась к потолку, – это преимущественно *лю́лька*; в с. Новоандреевка – только *зы́бка.* Для обозначения пасмурной погоды в говоре с. Заган активно функционирует лексема *хма́ра* (*хма́рно*, *хма́рить*); в селах Новоандреевка и Ключи для названия подобного состояния природы употребляется лексема *моро́к (моро́шно)*.

В селах Архаринского района зафиксированы многочисленные пары и ряды слов, разнородных по происхождению: *пря́сла – жерди́на* ‘звено, часть изгороди от одного вбитого в землю столба до другого’, *запло́т – забо́р* ‘плотный забор из бревен, толстых жердей или бревен’, *пострéл – ургу́ль* ‘растение подснежник’, *плетéнь – городьба́* ‘изгородь’, *муто́вка – весёлка* ‘посуда для замешивания теста’, *шептуны́ – и́чиги* ‘род кожаной без каблуков мужской и женской обуви без каблуков, на мягкой подошве’, *заскрёбыш – отхо́н* ‘последний ребенок в семье’, *за́яц – куржа́к* ‘иней’, *городьба́ – поско́тина* ‘огороженное место для выпаса скота’, *кошени́на – поско́тина* ‘скошенный луг, выкошенный участок’, *ломо́ть – лу́сточка – лу́ста* ‘ломоть хлеба’, *та́рки – ша́ньги* ‘род дрожжевой выпечки с начинкой’, *назьмо́ – назём* ‘навоз’, *несу́шка – клохту́ха* ‘курица-наседка’ и др. [4; 9].Таким образом, в селах Архаринского района лексический состав сохраняет сходство с лексикой южнорусских говоров, однако значительно отличается от лексического состава материнских говоров.

Существенной особенностью старообрядческих говоров является широкое использование слов и выражений религиозной тематики как книжного, так и обиходно-религиозного характера: *бедная икона, беспоповский, держать пост, красный праздник, лестовка (лестовица, лествица), милостыня, нырок, православный, поганый, подручник, помазывание, поморец, постовать, семейские, старообряд, старообрядцевый, шашмура* и др. В семейских говорах повсеместно употребляется лексика с фонетическими и грамматическими элементами старославянского языка: *бессребреник, благочестие, великомученик, равноапостольный, страстотерпец, око*. В целом же общая лексическая база религиозной лексики значительно шире: сюда входят слова общеславянского лексического фонда: *грех, мученичество, крест, покаяние, душа, святой, чудо, слово, добро, зло, таинство, небо, колокол* и др. Более широкое использование таких слов в говорах семейских по сравнению с другими говорами Амурской области дает право считать лексику религиозной тематики лексикой локальной сферы, характерной именно для старообрядческих говоров. Многие из церковнославянских слов книжного характера, а также слов обиходно-обрядовой сферы в говорах семейских претерпевают диалектные фонетические и грамматические изменения: *намастырь, хварувим, Русалим, купорис, панахвида, питиння, ялтарь, Взнисинне, говеть, киётка, крёстные, Хролов день, разговёна* и др.

Из большого числа тематических групп слов в говорах семейских Белогорского района Амурской области обращает на себя внимание лексика, образованная на основе заимствований, семантика которых отражает понятия, связанные с животноводством. Это названия домашних животных по актуальным признакам, продуктов питания из мяса и молока животных, предметов из их шкур. Также к лексике, образованной на основе заимствований, относятся названия некоторых растений, болезней и болезненных состояний. Главным образом это лексика,

образованная на основе заимствований из бурятского языка. Активное контактирование семейских с бурятами в Забайкалье объясняет причины таких заимствований. В говорах семейских отмечается фонетическая, морфологическая и словообразовательная трансформация бурятских слов: *гура́н* ‘дикий козел, самец косули’, *гура́нчик / гуранёнок* ‘детеныш гурана’, *гура́ний* ‘относящий к гурану’, *гурани́на* ‘мясо гурана’, ‘шкура гурана’, *гурани́ха* ‘самка гурана’ – из бурятского *гураа(н)* ‘дикий козел’ [12, с. 176]; *буру́н / буру́нчик / бурушо́к* ‘теленок второго года жизни’ – из бурятского *буруу(н)* ‘теленок до года’ [12, с. 126]; *има́н* ‘домашний козел’, *иману́ха* ‘домашняя коза’, *иманёнок* ‘детеныш домашней козы’, *има́ний* ‘козий’ – из бурятского *ямаа(н)* ‘коза’ [12, с. 799]; *куца́н* ‘некастрированный баран’, *куца́нчик* ‘ягненок’ – из бурятского *хуса* ‘баран-производитель’ [12, с. 604] и др. Отсутствие в русских говорах однословных наименований реалий делает предпочтительным употребление бурятизмов: *двухгодовалый теленок – буру́н, дикий лук или чеснок – манди́р / мангй́р, боль в суставах и мышцах – ху́н* и т.п. В результате влияния бурятского языка в говорах семейских возникли избыточные семантические варианты: *дага́н* ‘двухлетний жеребенок’ – из бурятского *даага(н)* ‘жеребенок по второму, третьему году’ [1, с. 176] (ср. сев.-рус. *лоньша́к* – то же значение [10, с. 129]), *барахча́н* ‘однолетний теленок’ – из бурятского *барахчаа(н)* ‘теленок первого года’ [1, с. 23] (ср. сев.-рус. *селе́ток* ‘домашнее животное (обычно жеребенок или теленок) в возрасте до одного года’ [11, с. 133]).

Отметим, что в старообрядческих говорах Амурской области заимствований из бурятского языка меньше, чем в говорах семейских Забайкалья [5, с. 125-127], что обусловлено отсутствием постоянных контактов с бурятским населением и иными природно-климатическими условиями Приамурья по сравнению с Забайкальем.

Необходимо подчеркнуть, что наиболее заметный пласт лексики, образованной на основе заимствований из бурятского языка, зафиксирован в селах Новоандреевка и Ключи Белогорского района. В селах же Архаринского и Свободненского районов преобладает лексика, образованная на основе заимствований из белорусского и украинского языков. При этом в сознании говорящих практически не имеет места дифференциация по языковой принадлежности слова, что указывает на полную адаптацию такой лексики к системе говора и непрерывный процесс пополнения словаря старообрядцев за счет восточнославянских заимствований.

Следует отметить, что старообрядческие говоры Амурской области испытывают на себе влияние литературного языка, влияние же соседних (не старообрядческих) говоров практически исключается. Однако в самих семейских говорах отмечаются общие процессы, связанные с проникновением в них новых черт. Так, например, в говорах Свободненского района при существовании нескольких лексических дублетов одно из дублетных слов утрачивается, вытесняясь другим, оказавшимся более употребительным. В говорах Белогорского района фиксируется параллельное употребление нескольких дублетов или эти слова приобретают новые оттенки значения. В говорах же Архаринского района при столкновении с литературным языком диалектное слово чаще всего вытесняется

литературным вариантом. Например, практически вышло из употребления слово *серники,* его заменила лексема *спички*; вместо слова *кочет* употребляется слово *петух*.

Наибольшей устойчивостью в лексической системе семейских говоров отличается непредметная лексика. Было выявлено 167 прилагательных, имеющих устойчивое частотное употребление в семейских говорах, среди них *бравый, парной, квёлый, тёмный, светлый, живой* и др., имеющие семантические различия со словами литературного языка. При употреблении такой лексики чаще всего отмечается сужение значения литературного слова.

Так, например, повсеместно было отмечено широкое функционирование прилагательного *бравый*, причем слово *бравый* активно употребляется как в речи пожилых информантов, так и молодых, независимо от гендерной принадлежности. Слово *бравый* известно и литературному языку. В толковых словарях современного русского литературного языка оно определяется как однозначное ‘молодцеватый, видный’. Смысловые оттенки прилагательного *бравый*, функционирующего в литературном языке, проявляются в синонимическом ряду *молодцеватый – подтянутый – бодрый – видный*. Оно может сочетаться с ограниченным количеством слов, обозначающих лиц мужского пола: *молодец, солдат, матрос, казак, парень*.

В говоре с. Новоандреевка Белогорского района Амурской области прилагательное *бравый* имеет пять значений: 1. Красивый (о человеке). *Пришёл Семёнов сам, чистый да бравый, и шашку положил на стол; Матка у меня красивая была, бравая, глаза чёрные;* 2. Хороший, милый, приятный (о человеке). *И никто не спроситни о чём, моя бравенькая; Куды, голубчик, скрылся, куды, бравый, улетел? С Людой я шла, а она говорит: «Ой, какая бравая девочка!»;* 3. Здоровый, крепкий. *Ой, я была молодухой здорова да красива, ой, бравая;* 4. Красивый, хороший, качественный (о предмете, явлении, животном и т.д.). *Такой если день бравый, так хлеб никогда не шёл; Сёдня день, доча, бравый; А мы говорили: «Бравые сапоги шьют девкам солдаты»; Бравы полушалочки Фенька мне и себе купила; Платок у ей бравый был: цветы большие, а поле жаркое;* 5. Вкусный. *Бравый хлеб был, пышный, ядрёный. Съедали весь до корки.*

Отмечено устойчивое сочетание, *бравый свет* в значении *белый свет*: *«Сестрицы, мои подруженьки, какой нонче бравый свет»*.

Производным от *бравый* является *бравенький* как ласкательное к значению ‘Красивый, хороший, качественный (о предмете, явлении, животном и т.д.)’: *«Платте-то бравенькое, будешь в нём ходить»*.

Лексическая сочетаемость прилагательного *бравый* в семейских говорах значительно шире, чем в литературном языке. Оно может сочетаться с существительными, имеющими различное семантическое содержание: это наименование предметов одежды, обуви, явлений природы, людей. Ср,: *бравый сарафан, бравые сапоги, бравая молодуха, бравая матка, бравый день, бравый муж* и др. Качественная характеристика существительного, которое определяется прилагательным *бравый*, включает, прежде всего, понятие красоты, яркости, богатства. В данных сочетаниях, выделенных из приведенных выше контекстов, *бравый* синонимично словам *отличный – замечательный – красивый – яркий – богатый*.

В сочетаниях типа *бравый цветок, бравые огурцы, бравый мальчик, бравый зародыш* (будущий плод огурца, помидора и т.п.) семантика прилагательного направлена на выделение признака буйной силы, крепости, жизненной стойкости. *Бравые огурцы* – не просто отличные, но крепкие, с сильными и пышными побегами. Относясь к существительным, которые обозначают обычно живые организмы: растения, животных, людей – прилагательное *бравый* вступает в синонимический ряд *крепкий – сильный –тугой* и имеет соответственно значение «крепкий, сильный»: «*Ой, я была молодухой здорова да красивая, ой, бравая; Он у нас был бравый, полный; Ух, Верка родила и бравая стала, а то в шшэпу высохла»*. Значения ‘здоровый, крепкий, сильный’ и ‘красивый’ у прилагательного *бравый* тесно связаны, «взаимопроницаемы», как бы совмещаются в одном высказывании. Подобная диффузировать отдельных значений не создает затруднений для речевого общения, она – отражение реальных связей слова с окружающей действительностью.

Однако носители говора старшего поколения видят сдвиги в функционировании привычных слов, в вытеснении их новыми, общеупотребительными: *«Цас все больше красивый говорят, а мы по старинке бравый, бравенький»; «И огурцы, если замёрзли, посохли, так говорят гадкие, а густые да листья большие – бравые»; «Я всё пошто-то не отвыкаю: бравые и бравые. Бывало, девчата смеются: «Что ты, мама, по-старому говоришь?»*.

Однако во многих случаях столкновения диалектного и литературного значений слов можно наблюдать процесс сужения значения диалектного слова: *разбираться* ‘раздеваться, ложась в постель перед сном’ и ‘вообще раздеваться’; *бирюк* ‘волк-одиночка’ и ‘волк’.

Следует отметить, что по сравнению с общими процессами, характерными для лексических систем русских говоров, в старообрядческих говорах эти процессы в целом идут менее интенсивно. Об этом свидетельствует устойчивое употребление многих диалектных слов как в речи пожилых диалектоносителей, так и представителей более молодого поколения: *утирка, корчага, запон, чирки, чинёнки, чистотка, бравый, парной, тёмный, квёлый, банить* и др.

Таким образом, семейские говоры Амурской области представляют собой целостную диалектную систему этноконфессионального типа, сложившуюся под влиянием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, и отличающуюся особой спецификой устойчивого сохранения основных лексических черт материнского диалекта. Процессы, происходящие в лексической системе старообрядческих говоров, во многом совпадают с теми, что наблюдаются в говорах других типов. Однако в старообрядческих говорах отмечается меньшая вариативность лексических единиц, обнаруживается их столкновение с лексическими единицами литературного языка, а не словами, функционирующими в окружающих говорах. Лексическая система этих семейских говоров сохраняет сходство с материнскими говорами, однако она имеет свои специфические особенности, сформировавшиеся под влиянием масштабного миграционного движения старообрядцев, а также контактов с аборигенным населением Сибири и Дальнего Востока.

В старообрядческих говорах Архаринского района протекают процессы, свойственные говорам переходных диалектных зон: активизация образования синонимов и междиалектных соответствий, трансформация семантической структуры лексем, изменение формальной структуры слова. Этноязыковая основа и типологические черты материнских говоров ярко выражены в явлениях гиперкоррекции, образовании синонимических рядов, вариативности, отсутствии реализации сем или семантических смещениях.

Ареальное сравнительно-сопоставительное исследование диалектной лексики дает возможность изучить внутренние и внешние миграции старообрядческого населения, особенности бытового взаимодействия с представителями других этнических групп, отражение религиозного мировоззрения и др. Подобный подход связан с рассмотрением процессов языковой интеграции между говорами, сформировавшимися на территориях позднего славянского освоения, а также изучением тенденций культурного взаимодействия различных в этнографическом отношении групп русского населения, что, несомненно, вызывает интерес у современных исследователей и способствует фиксации и сохранению культурного и языкового наследия амурских старообрядцев.

Литература

1. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М.: Наука, 2000. 772 с.

2. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. – Владивосток, 2008. 456 с.

3. Калашников П.Ф. А.М. Селищев как историк, археолог, этнограф и диалектолог (К 80-летию выхода в свет книги «Забайкальские старообрядцы. Семейские») // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья: Тез. регион. науч.-практ. конф. 19-20 октября 2000 г. – Улан-Удэ, 2000. С. 83-87.

4. Картотека «Словаря старообрядческих говоров Амурской области». Фонд хранения – лаборатория региональной лингвистики Амурского госуниверситета.

5. Козина О. М. Говоры старообрядцев Бурятии – семейских: генезис, диалектный тип. – Улан-Удэ: Бурят. научн. центр СО РАН, 2006. 166 с.

6. Кукса Т. П. Русско-украинская межъязыковая интерференция в украинских говорах Крыма (на материалах сельскохозяйственной лексики) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. I. С. 91-94.

7. Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1900 – 1902 гг. – Благовещенск: Зея, 1903. 46 с.

8. Расійска-беларускі слоўнік / Укладальнікі М. Байкоў, С. Некрашэвіч. – Менск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1928. 706 с.

9. Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука, 1981. Вып. 17. Лесокаменный – масленичать. 385 с.

10. Словарь русских народных говоров. – СПб.: Наука, 2003. Вып. 37. Свято – скимяга. 416 с.

11. Старообрядческий архив диалектных текстов. 2001-2010 гг. Фонд хранения – лаборатория региональной лингвистики Амурского госуниверситета. Дневник 15. 64 с.

12. Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь. – М.: ГИИНС, 1951. 852 с.